

Н. В. РОСТИСЛАВЛЕВА

ДИСКУРСЫ СВОБОДЫ В ВОСПРИЯТИИ МАКСОМ ВЕБЕРОМ РОССИИ В 1905-1906 ГОДЫ¹

В статье рассматриваются особенности концепта свободы, ставшего основой восприятия Вебером событий Первой русской революции. Автор показывает укорененность в семье Вебера евангелических и либеральных ценностей, его убежденность в приоритетности протестантского дискурса свободы. В такой интерпретации свобода не могла найти воплощение в России без разрыва с традицией.

Ключевые слова: Макс Вебер, Первая русская революция, свобода, традиция, ранне-либеральная фаза, либерализм.

Масштаб личности Макса Вебера продолжает поражать исследователей, а утвердившиеся клише не всегда раскрывают тонкое понимание им важнейших событий современного ему мира. М. Вебер был человеком своего времени и обстоятельств. «Творческий путь Вебера становится “зеркальным отражением” социальных условий и противоречий Германской империи времен Бисмарка, нарождавшейся немецкой буржуазии, вынужденной противостоять не только рабочему классу, но и отчаянно борющемуся за свои права юнкерству»², – пишет Е. Кравченко.

Порывистый нрав Вебера предопределил изучение его жизни в курсе психоаналитического исследования. Стремление разгадать его самобытную масштабную личность, «расколдовать» его мир стало импульсом для многих трудов о Вебере, в том числе А.И. Патрушева³. Обширный комплекс исследований о Вебере можно представить в виде айсберга, в котором публикации на русском языке составляют лишь его верхнюю часть. В данной статье поставлена задача показать как веберовский ситуативный анализ событий 1906–1906 годов в России, нашедший отражение в его работах 1906 года, был связан с освоением им наследия германского либерализма.

Американский социолог Льюис Козер писал: «Выбор ученым конкретной проблемы и уровень научного объяснения, к которому он стремится, как утверждает Вебер, зависит от ценностей и интересов исследователя. Выбор проблем исследования всегда является “ценностно-

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета.

² Кравченко. 2002. С. 6.

³ См., например: Патрушев. 1992.

зависимым»⁴. Формирование М. Вебера как личности, как исследователя во многом позволяет объяснить, почему события Первой русской революции так сильно его заинтересовали. По Веберу, то, что считается «стоящим изучения и понимания» зависит от ориентации исследователя.

Либерально-патриотические начинания семьи Веберов прослеживаются еще с начала XIX века. Дед Макса по линии матери Фридрих Фалленштейн во время освободительных войн с Наполеоном был в составе корпуса Лютцова⁵, его отличала любовь к свободе и тевтонским идеалам, как писала в своей книге Марианна Вебер⁶. Из-за его демократичности и свободолюбия прусское начальство не продвигало Фалленштейна по служебной лестнице. Он выступил с критикой правительства, пережил судебный процесс, но в итоге был оправдан⁷.

Бабушка по линии матери, гугенотского происхождения была очень глубокой и незаурядной женщиной, незаурядностью отличались и все ее пять дочерей, включая мать М. Вебера Елену (1844 г.р.). Семья жила в собственном доме в Гейдельберге на берегу Неккара. Наверху в доме жил Георг Гервинус, друг Ф. Фалленштейна, ученик Ф. Шлоссера, к тому же известный либерал, один из участников бунта геттингенской семерки (1837)⁸ в защиту конституции Ганновера. В годы революции 1848–49 гг. он был членом Франкфуртского парламента, где представлял либеральные силы⁹. Гервинус сильно повлиял на развитие Елены, ее интересы, но в итоге женатый Гервинус воспылал к юной девушке страстью, стремился подчинить ее себе, даже среди своих учеников нашел ей мужа. Елена была вынуждена уехать в Берлин к своей старшей сестре Иде, бывшей замужем за историком Германом Баумгартеном, известным либералом эпохи революции 1848–49 гг. Таким образом, мать М. Вебера формировалась под влиянием идеалов раннего либерализма (преимущественно немецкого Юго-Запада), и ценности свободы

⁴ Козер. 2006. С. 73. «Не существует абсолютно “объективного” анализа культурных или социальных явлений, не зависящих от индивидуальных или пристрастных взглядов, в соответствии с которыми они (явления) – явно или скрыто, сознательно или бессознательно – выбираются, анализируются, организуются для их обьяснения». Цит по: Козер. 2006. С. 73.

⁵ Корпус Лютцова вошел в истории не только как активный участник борьбы с Наполеоном, но и благодаря тому, что его состав был обмундирован в черную форму, отделанную золотыми пуговицами и красными лампасами. Эти цвета стали цветами германского триколора и сейчас являются цветами флага Германии.

⁶ Вебер, Марианна. 2007. С. 9.

⁷ Там же. С. 10–11.

⁸ О бунте геттингенской семерки см. подробнее: Ростиславлева. 2010.

⁹ В книге Е. Кравченко Гервинус ошибочно назван Ф. Шлоссером.

выбора. Именно в Берлине состоялась встреча Елены с ее будущим мужем Максом Вебером: через несколько недель знакомства состоялась их помолвка¹⁰. Дед Макса по линии отца был билефельдским торговцем полотном, семью отличала протестантская религиозность.

Конец 1850-х гг. – время, когда германский либерализм претерпевал серьезную трансформацию: он преодолевал мартовские «руины», т.е. последствия поражения революции 1848–49 гг., в рамках которой либералам было не суждено создать единое немецкое государство. Гетерогенность раннего либерализма, где присутствует и присущий Пруссии бюрократический дух, и стремление построить гражданское общество, опираясь на инициативу снизу, сглаживалась под влиянием прусской версии либерализма. В 1850-е гг. состоялось выступление Людвиг Августа Роху с книгой «Реальная политика», в которой он призывал либералов в движении к единству опираться на мощь сильного государства¹¹. Макс Вебер-старший занимал в это время должность в Берлинском муниципалитете, редактировал либеральный еженедельник и активно интересовался политикой¹². Начало 1860-х гг. – время конституционного конфликта в Пруссии, в котором Бисмарк сыграл роль злого демона, пренебрегшего стремлением либералов прусского ландтага не допустить увеличения военного бюджета. Бисмарк управлял Пруссией до 1866 г. за пределами поля, обозначенного ее конституцией. Эту ситуацию иногда в литературе называют псевдоконституционализмом¹³. Макс Вебер-старший входил в одну из фракций правого крыла либерализма: эта партия стремилась к сильной королевской власти Гогенцоллернов и одновременно к предоставлению народу гарантированных прав.

21 апреля 1864 г. у четы Веберов родился первый сын, Макс. Его кормилицей, поскольку мать не могла кормить ребенка, была жена столяра, социал-демократа, и в семье позже шутя говорили: «Макс впитал свои политические воззрения с молоком кормилицы»¹⁴. Мать Макса стремилась в нем развить христианское благочестие. В возрасте 18 лет Макс Вебер поступил на юридический факультет Гейдельбергского университета, в котором в свое время работали Шлоссер и Гервинус. Гейдельберг – это один из крупнейших городов наиболее либерального региона Германии – великого герцогства Баден (немецкий Юго-Запад). В университете Макс наряду с юриспруденцией изучал экономику,

¹⁰ Вебер, Марианна. 2007. С. 25–27.

¹¹ См.: Langewische. 1988.

¹² Вебер, Марианна. 2007. С. 31.

¹³ См.: Либерализм Запада... С. 84.

¹⁴ Вебер, Марианна. 2007. С. 35.

средневековую историю, философию и римское право. По окончании трех семестров Вебер оставил университет и поступил на военную службу в Страсбурге. Здесь проживала семья его тети Иды, и Макс попал под сильное влияние ее мужа Германа Баумгартена, который оставался верен «неомраченному либерализму своей юности»¹⁵. Со времени пребывания в Страсбурге вплоть до кончины Баумгартена в 1893 г., как об этом свидетельствуют письма М. Вебера, дядя оставался его главным наставником и доверенным лицом – как в политических делах, так и в интеллектуальных интересах. Также на него сильное влияние оказали бескомпромиссные религиозные принципы его тетки Иды.

В 1884 г. Вебер вернулся в Берлин и продолжил учебу в Берлинском университете. Необходимо заметить, что еще с середины XIX века Берлин и Гейдельберг были своеобразными антиподами, как в плане освоения традиции¹⁶, так и в контексте интерпретации индивидуальной свободы и гражданского общества, что, на наш взгляд, повлияло на некоторую противоречивость личности и творчества Вебера.

В Берлине Вебер защитил докторскую диссертацию, опубликовал ряд работ о положении сельскохозяйственных рабочих, приобрел популярность и в 1896 г. получил приглашение стать профессором экономики в Гейдельберге. В 1897 г. он перенес сильное потрясение в связи со смертью отца. В течение 5 лет он не мог работать и только в 1904 г. после возвращения в Гейдельберг из Гарварда написал ряд важных сочинений по методологии в социальных науках. В 1905 г. была опубликована его «Протестантская этика и дух капитализма», а за ней последовали исследования о развитии политических событий в России – «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии», более известный под названием «К положению буржуазной демократии в России (*Zur Lage der burgerlichen Demokratie in Russland*) и «Переход России к мнимому конституционализму» (*Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus*)¹⁷. Обе работы были опубликованы в «Архиве социальной науки и социальной политики» (*Archiv für Sozialwissen-*

¹⁵ Козер. С. 98.

¹⁶ Так, в Гейдельбергском университете школа Тибо ориентировалась на принципы естественного права, направленного на разрыв с традицией, тогда как в Берлине процветала линия «исторической школы права» во главе с Савиньи, не признававшей разрыва с ней. В баденском либерализме общество не уравнивалось с государством и подразумевалось, что импульсы эмансипации должны исходить снизу, тогда как в прусской версии, по Гегелю, общество уравнивалось с государством, и это выразилось в итоге в склонности прусского либерализма к компромиссам с государством.

¹⁷ Weber. 1989. Русский перевод: Вебер. 1906.

schaft und Sozialpolitik), редактором которого был Вебер вместе с В. Зомбартом и Эдгаром Яффе. В предисловии к собранию сочинений ученого эти труды названы В. Моммзенем «важными свидетельствами развития политического мышления Макса Вебера»¹⁸.

В историографии вопрос о русских штудиях Вебера всегда упоминается в трудах о нем¹⁹, но их анализ удалось обнаружить только в работах А. Кустарева «Начало русской революции: версия Макса Вебера», «Макс Вебер о модернизации русского самодержавия»²⁰. Он же он написал предисловие к сборнику «О России», где содержатся сокращенные версии эссе и статей Вебера о России²¹.

В монографии А.Б. Рахманова «Социальная философия Макса Вебера. Метаморфозы и кризисы»²², один из параграфов посвящен анализу работ Вебера «К положению буржуазной демократии в России» и «Переход России к мнимому конституционализму». Анализ «русских штудий» Вебера можно обнаружить также в книге Юрия Давыдова и Пиамы Гайденко «Россия и Запад»²³, представляющей собой публикацию на немецком языке цикла лекций о Максе Вебере, прочитанных в Гейдельберге в 1992 г. (Heidelberger Max Weber Vorlesungen). В вышеназванных работах присутствуют различные интерпретации восприятия М. Вебером России 1905–1906 гг.

А.Б. Рахманов утверждает, что «Вебер рассматривал события революции как результат противоречий между классами крупных полупфеодальных землевладельцев (помещиков), буржуазии, крестьянства и рабочего класса», что в этой работе Вебер близок к материалистическому пониманию истории Маркса и Энгельса²⁴ и не рассматривает религию в качестве детерминанты общественной системы, в чем Рахманов видит главное отличие данного труда от «Протестантской этики» и отмечает: «Возникает ощущение, что эти работы написаны разными людьми»²⁵.

А.С. Кустарев по поводу штудий Вебера о России пишет: «На примере России Вебер оценивает возможности зарождения идеологии и практики «свободы не в сфере религиозного переживания, как это было в Европе в эпоху раннего модерна, а в сфере политической программы и

¹⁸ Mommsen. 1989. S. VII.

¹⁹ Kaesler. 2011. S. 68.

²⁰ Кустарев. 1990; 2006.

²¹ Кустарев. 2007. С. 5–14.

²² Рахманов. 2011. С. 165–192.

²³ Davydov, Gaidenko. 1995.

²⁴ Рахманов. 2011. С. 173.

²⁵ Там же. С. 183.

политического процесса», а также обращает внимание на переход Вебера в его оценках от осторожного оптимизма к пессимистическим тонам²⁶.

В очерке Ю. Давыдова «Шансы свободы в России. Взгляд Макса Вебера на проблемы революции 1905 г.», опубликованном в книге Ю. Давыдова и П. Гайденко «Россия и Запад», утверждается противоположное: работы Вебера о России. плодотворно рассматривать в контексте социальной философии Вебера, основные черты которой проявились уже в серии статей 1906 года. По мнению Давыдова, их Вебер задумывал как часть «Протестантской этики» и именно это обстоятельство нашло выражение в веберовской хронике русской революции²⁷.

Обращение Вебера к событиям русской революции может быть обозначено, используя веберовскую терминологию, как ценностно-рациональный подход. Вебер устремил свой интеллектуальный взор к событиям в России сразу же после начала революции 1905 года. За два месяца он выучил русский язык так, что смог читать в оригинале русские газеты и журналы. В Гейдельберге в его распоряжении была богатая читальня с периодическими изданиями: газеты «Новое время», «Русь», «Право». Наконец, свою роль сыграла помощь Богдана Александровича Кистяковского, бывшего тогда в Гейдельберге и ориентировавшего Вебера в сложных вопросах. Как уже отмечалось, книга Вебера «К положению буржуазной демократии в России» была впервые переведена на русский язык в 1906 г. и опубликована в Киеве. На эту работу в 1906 г. был представлен отзыв в журнале «Былое», где отмечалось, что автор использовал все имевшиеся в его распоряжении материалы и «пытается, хотя это далеко не всегда ему удается, относиться возможно объективно к ним. Он обнаруживает хорошее, хотя и одностороннее знание русской жизни и в интересных примечаниях к тексту своей работы дает много любопытных даже для нас характеристик русских политических деятелей, органов печати, наконец, различных общественных организаций, например Вольного русского экономического общества»²⁸.

Попробуем разобраться, являлась ли категория свободы основой для восприятия Вебером первой русской революции, и, если да, то какой ее ракурс был для ученого ведущим в изучении событий в России.

Семья Вебера была либеральной ориентации, приветствовал либеральный взгляд и Макс. Но в его уже зрелых либеральных взглядах, как отмечает В. Моммзен, национальное превалировало над либеральным.

²⁶ Кустарев. 2007. С. 7.

²⁷ Davydov, Gaidenko. 1995. S. 73.

²⁸ Вебер. 1906. форзац.

Вебер был очень обеспокоен раздробленностью немецкого либерализма, поэтому в его политической системе ценностей главную роль играли нация, власть, культура²⁹, и с этих позиций он критиковал либерализм вильгельмовской Германии и классический либерализм также.

Вебера называют идейным лидером группы «либеральных империалистов»³⁰. На такой же платформе стоял и его близкий друг Ф. Науман, который стремился возродить либерализм, поставив под его контроль рабочее движение, для этого был создан «Национал-социальный союз». Но если для Наумана сильное национальное государство в первую очередь средство для социальных реформ, то для Вебера социальная политика проистекала из национально-политических соображений³¹. Германия должна быть сильным и мощным государством (*Machtstaat*) и быть причастной к решению вопросов о будущем земли³². В конце 1890-х гг. Вебер поддерживал идею создания национальной партии буржуазной свободы, что соответствовало задачам масштабного индустриального развития Германии. Политика подчинения либерализму социального вопроса не удалась. К 1905 г. Веберу уже стало ясно, что шансы на самостоятельную и успешную либеральную деятельность в Германии утеряны. «Это трагично и символично для фатального положения немецкого либерализма начала XX в., что человек (имеется в виду М. Вебер – *H.P.*) с такими превосходными навыками глубокого политического анализа... отрекся от активной политической деятельности в Германии»³³. В свою очередь Фридрих Зелл отмечал: «В личности и судьбе Макса Вебера выражается символическое величие и провал духовного либерализма в Германии около 1900 года, углубленное понимание, твердая воля к истине и неспособность эти познания перевести в действия»³⁴. Неспособность перевести свои познания в действия была во многом присуща германской раннелиберальной фазе³⁵. Вполне корректно утверждать, что в либеральных идеях Вебера, в его представлениях о свободе находят отзвуки элементы раннего германского либерализма. Учитывая это, можно более точно интерпретировать особенности восприятия Вебером России. Подход к России в рамках комплекса идей и понимания категории свободы раннелиберального

²⁹ *Mommsen*. 1974. S. 90–96, 132–133.

³⁰ *Патрушев*. 1995. С. 87.

³¹ *Mommsen*. 1974. S. 136–137.

³² *Ibid.* S. 69.

³³ *Ibid.* 140.

³⁴ *Sell*. 1953. S. 310.

³⁵ См.: *Ростиславлева*. 2010. С. 41–162, 322–367, 411–424.

периода плодотворен и в том плане, что Россия по уровню своего политического развития в 1905 г. соответствовала примерно уровню политического развития Германии первой половины XIX в., которая тогда уже начала переживать индустриальную фазу. В России начало индустриализации датируется обычно 1880-ми годами³⁶.

Классическое выражение свободы в протестантском духе принадлежит эпохе раннего капитализма, в свою очередь зрелый капитализм объективирует эту свободу в формальные и бюрократические структуры, когда капитализм перестает быть способом свободного решения личности. Но свободе требуется также творческое напряжение, благодаря которому Запад являлся классической манифестацией свободы выбора и самостоятельности действия, подлинного демократического порядка общественной жизни³⁷. Действительно, Вебер отмечал реальность формализации и бюрократизации общественно-политических отношений и писал в работе «К положению буржуазной демократии»: «Все экономические знаки указывают на направление растущей несвободы»³⁸. Таким образом, свобода и капитализм, по Веберу, противоположности, и давление зрелого капитализма на демократические институты, на свободную личность повышается. Поэтому Вебер в работе «К положению буржуазной демократии в России» не случайно позитивно высказывается о проекте конституции партии кадетов: этот проект «является симптомом определенного политического образа мыслей наиболее деятельных русских идеалистов патриотов, лично которым принадлежат все наши симпатии, безотносительно к конечным результатам их труда»³⁹.

Вебер отдавал себе отчет в том, насколько сложны были в тот период отношения России и Германии. Он писал: «Одинаковую ненависть к нам питают как русская бюрократия со времен Берлинского конгресса, так и русская демократия без различия оттенков, и это настроение будет продолжительным, потому что внешнее могущество Германии должно надолго остаться досадным бюрократическому национализму, а ее территориальные владения – демократическому федерализму»⁴⁰.

Объективно цель этой революции в России – достижение свободы. Ю. Давыдов назвал эту ситуацию вокруг свободы в годы Первой русской

³⁶ См.: *Грегори*. 2003. С. 18. Автор статьи писал: «В России индустриализация началась по-настоящему только в 1880-е гг.».

³⁷ *Davydov*. 1995. S. 74.

³⁸ *Weber*. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // *Weber*. 1989. Bd. 10. S. 270.

³⁹ *Вебер*. 1906. С. 8.

⁴⁰ Там же. С. 9.

революции «драмой свободы», «трагедией опоздавшей свободы» и подчеркивал ее антитезу к экономической необходимости⁴¹. Действительно, Вебер отмечал: «В русском обществе действуют импортированные новейшие силы крупного капитала, тогда как это общество все еще покоится на фундаменте архаического крестьянского коммунизма. Из истории России были исключены все те стадии развития, на которых сильные экономические интересы собственников служили буржуазному движению за свободу... Нигде борьба за свободу не велась в таких трудных условиях, как в России. Нигде она не велась с таким самопожертвованием, и немцы, сохранившие еще какие-то остатки идеализма наших отцов, должны испытывать естественную симпатию к этой борьбе»⁴².

Вспомним доктринерский, оторванный от индустриализма либерализм К. фон Роттека и К.Т. Велькера, Ф.К. Дальмана и В. фон Гумбольдта. Роттек и Велькер вообще понимали свободу как принцип теории естественного права, В. Гумбольдт отождествлял свободу с безопасностью и акцентировал необходимость зрелости индивидуума для свободы, Дальман связывал свободу с традицией и главной ее гарантией считал конституцию. Только в индустриально развитой Рейнской области понимание свободы корреспондировалось с собственностью, промышленностью и утверждением среднего класса, но и там стремились к конституции⁴³. Таким образом, между утверждением идеалов свободы и активным процессом индустриализации в Германии пролегает интервал в несколько десятилетий. Свобода должна утверждаться постепенно, а ее главный гарантом в представлении представителей раннего либерализма является конституция.

Вебер понимал, что для России начала XX в. свобода – это еще иллюзия, тогда как для западного общества она стала к тому времени повседневностью во многом благодаря раннелиберальной фазе. Если опираться на методологию самого Вебера, то по мере развития капитализма идет неуклонный процесс общей рационализации жизни и бюрократизации, поэтому в отношении утверждения свободы в России может звучать и пессимизм. Так, А. Кустарев подчеркивает, что утверждение свободы в начале XX в. не имеет в России никаких перспектив, возможны лишь благожелательные желания, которые лишены любой основы⁴⁴.

⁴¹ Davydov. 1995. S. 75, 76.

⁴² Вебер. 2007. С. 103–104.

⁴³ См. об этом подробнее: Ростиславлева. 2010.

⁴⁴ А. Кустарев в своей статье пишет: «Российский конституционализм сразу на пороге кризиса, «машина продолжает, как если бы ничего не случилось... офици-

Поиском крупниц свободы в России и занимался Вебер. По его мнению, Союз освобождения и земское движение – это те органы, которые выступали за либерализацию и подготовку конституции. Ученый замечал: «...насколько неуверенно в то время либеральное движение и как после развили его съезды»⁴⁵. На этих съездах в 1904 г. была принята конституционная резолюция «11 пунктов» (свобода личности, союзов, собраний, и печати, равноправие граждан, особенно для крестьян). Эти элементы свободы приветствовались Вебером. Он писал: «В земских съездах рядом с либеральными помещиками находим цвет русской университетской интеллигенции и политической публицистики. По степени своего либерализма и по составу съездов, поскольку возможны такие сравнения, они представляют и самым близким образом напоминают собой предварительный парламент 1848 г. и Франкфуртское, не Берлинское Национальное собрание»⁴⁶. Здесь снова обнаруживается вызов раннегерманского либерализма, ведь именно деятельность Франкфуртского собрания в годы революции 1848–49 гг. стала кульминацией развития раннелиберальной фазы. Однако известно, что Франкфуртское собрание не смогло утвердить на германском пространстве идеалы свободы. Социальный состав Франкфуртского парламента аналогичен земским съездам. Вебер замечал: «Собственно буржуазия, именно крупная промышленная в земствах имела мало влияния. Земские либералы были лица обеспеченные, они были носителями социального идеализма, который не легко поддается организации в общественную силу. Т.е. это так называемый второй элемент, но есть еще пролетарская интеллигенция на земских должностях. Это по выражению Плева, “третий элемент”. Этот третий элемент образует многочисленную бюрократию и на нем лежит совместно с Управой регулярная работа в земствах»⁴⁷.

Каково отношение Вебера к конституционному проекту группы «Освобождения»? Он «неисторичен» заявлял ученый. Вебер задавался вопросом, а что же собственно в настоящей России «исторического». «Исключая церкви и крестьянские общины ... может быть еще абсолютная власть царя, воспринятая от татарских времен, которая в настоящее время после распада всех органических форм, определивших Россию XVII-го и XVIII-го столетий, висит воздухе и стала совершенно неисторичной. Страна, которая по своим учреждениям едва ли больше,

ально даруются свободы. А когда ими хотят воспользоваться, выясняется, что эти свободы – иллюзия». *Кустарев*. 2006. С. 74.

⁴⁵ Вебер. К положению буржуазной демократии. С. 15.

⁴⁶ Там же. С. 18.

⁴⁷ Там же. С. 19.

чем столетие назад, представляла собой сильное сходство с империей Диоклетиана, не может в действительности предпринять никакой исторически обоснованной и при этом все же жизнеспособной реформы»⁴⁸, – писал ученый. Вебер явно склонялся к разрыву с традицией. Именно разрыв с традицией – краеугольный камень юго-западного раннего либерализма в Германии. Но в этом же тексте можно обнаружить и отчетливо выраженное уважение им традиции в процессе продвижения к свободе. Так, Вебер высоко ценил земства за их готовность к денежным пожертвованиям для «идеальных целей» и писал о том, что они «совершенно одинакового происхождения с действиями наших восточно-пруссских представителей сословий 1847 г.»⁴⁹. Уважение Вебера к прусскому либерализму с его выраженным уважением к традиции – также особенность понимания им свободы.

Либеральная линия проекта – это упор на самоуправление, и Вебер это акцентировал, поскольку в основе этого проекта «самоуправление во всех областях государственной жизни, за исключением тех отраслей управления, которые при настоящих условиях государственной жизни необходимо должны быть сконцентрированы в руках центральной власти»⁵⁰. Самоуправление – важная часть проекта конституционного либерализма в Германии, точнее немецкого Юго-Запада, где оно выступает как основа создания гражданского общества⁵¹.

Очень сложен для анализа вопрос о всеобщем избирательном праве проекта группы Освобождения. Вебер отмечал, что это выгодно отличает данный проект от сторонников цензового и непрямого начала и от антибюрократических славянофильских групп Шипова с их идеей образования из земств совещательного народного представительства, контролирующего финансы. Всеобщее избирательное право Вебер рассматривал как «исторический» устой. Он писал: «В России развитие городского среднего сословия в западноевропейском смысле является слабым не только в силу исторических причин, но также и потому, что капитализм также и здесь проник во все слои и всякая попытка выступления за цензовое начало означает для реформистского агитатора: офицера без солдат. Городские рабочие, само собой понятно, никогда не дали бы себя обмануть в этом отношении. Кроме того, в деревнях, где еще сохранилась община, цензовое начало можно было провести только

⁴⁸ Там же. С. 21.

⁴⁹ Там же. С. 22. Имеется в виду прусский соединенный ландтаг 1847 г.

⁵⁰ Там же. С. 25.

⁵¹ См.: Ростиславлева. 2000. С. 178–184.

при посредстве самого большого произвола»⁵². Таким образом, казалось, что по Веберу введение всеобщего избирательного права – это защита либерализма, так как не охваченные им рабочие и крестьяне могли бы пользоваться реакцией в борьбе с либерализмом. Но объективно это совсем не так. Ю. Давыдов отмечает, что в той ситуации идея всеобщего избирательного права не соответствовало духу либеральной буржуазно-демократической программы⁵³. Можно обнаружить это и у Вебера, который замечал, что «самый убежденный демократ или социал-демократ отнесся бы с большим сомнением к вопросу о введении именно этого избирательного права впервые в этой стране и именно в настоящий момент», «...в действительности непосредственным последствием была бы полная бюрократизация земского самоуправления и при всем признании выдающихся заслуг земцев, так называемого третьего элемента, оно бы все-таки могло быть только предвестником централизации на французский манер»⁵⁴. Именно всеобщее избирательное право в данном контексте – угроза свободе и правам человека.

Права человека связаны и с вопросом о национальностях. Но он в проекте не отражен, хотя очень волновал Вебера, поскольку ученый размышлял о том, что сделало либеральное движение России для демократического разрешения национального вопроса и приветствовал программу польской прогрессивно-демократической партии, которая была родственна программе русского либерализма и выступала за национальную автономию Польши при условии неделимости русского государства⁵⁵. Этот сложный вопрос с трудом коррелируется с программой раннего германского либерализма, который, увы, не занимался решением польского вопроса в Германии.

В проекте конституции не затрагивался вопрос о православной церкви, но Вебер размышлял об этом. Его скепсис относительно православной церкви отчетливо выражен: «...прошлое и форма организации православной церкви делает совершенно невероятным – как бы ее не перестраивать – чтобы она наподобие римской церкви смогла проявить себя защитницей свободы против власти полицейского государства. Она удовлетворилась бы большей широтой самоуправления и эмансипацией от бюрократии. Идея Третьего Рима является для нее порождением цезарепапизма»⁵⁶. По Веберу, совершенно невероятно, чтобы она

⁵² Вебер. К положению буржуазной демократии. С. 27.

⁵³ Davydov. 1995. S. 84.

⁵⁴ Вебер. К положению буржуазной демократии. С. 30–31.

⁵⁵ Там же. С. 37–39.

⁵⁶ Там же. С. 54–55.

удовлетворилась парламентским цезарепапизмом наподобие греческой или румынской церкви. Эти размышления ученого заставляют нас вновь вспомнить, что именно в 1905 г. была опубликована его «Протестантская этика», где прослеживается связь религиозности и свободы. Православная церковь, по мнению Вебера, не была союзницей либералов в борьбе за свободу. Он ссылается на П. Милюкова, заявлявшего, что россиянин безразличен к своей церкви⁵⁷. Во многом мысли о союзе либерализма с протестантской церковью навеяны были личностью пастора Ф. Наумана, друга М. Вебера, но в целом – существованием прочной связи индивидуализма и протестантизма.

Довольно много внимания Вебер на страницах данного сочинения уделил аграрному вопросу, но приветствовал такую аграрную реформу, которая обеспечит неизбежное развитие западноевропейской индивидуалистической культуры⁵⁸. Либералы должны прежде всего обеспечить «этическое уравнивание» жизненных шансов, поэтому они должны замедлять аграрную реформу.

Размышления Вебера о России не могли не затронуть отношения либерализма и чиновников. Этот вопрос был актуален для раннегерманской либеральной фазы. В отдельных регионах Германии, в Пруссии, чиновники проводили либеральные реформы, например в 1807–1810 гг., но эти реформы получили оценку как реформы «бюрократического либерализма»⁵⁹ и объективно способствовали укреплению прусского абсолютистского государства.

Хотя фразы Вебера о том, что политика провинциального чиновничества привела в дальнейшем к дискредитации всего освободительного движения, в особенности буржуазно-конституционного антицентралистского либерализма, звучат довольно пессимистично, но это, видимо, общее место для либерального движения в России и Германии.

В истории борьбы за свободу в Германии, были случаи, в ходе которых двор и чиновничество принимали покровительство либералов, например в годы революции 1848 г. в Пруссии, когда было создано «мартовское», либеральное министерство Кампгаузена-Ганземана. Но век его оказался короток: в июне 1848 г. ушел в отставку Кампгаузен, а в сентябре 1848 г. Ганземан. В отличие от России прусская бюрократия в те годы не была преисполнена презрением к либералам, поскольку и бюрократия, и либерализм довольно неплохо обеспечивали потребно-

⁵⁷ Там же. С. 58–60.

⁵⁸ Там же. С. 128–129.

⁵⁹ *Langewische*. 1988. S. 18; *Wehler*. 1996. Bd. 1. S. 397.

сти нарождавшегося индустриализма. Однако этот пример репрезентативен только наполовину, поскольку в Пруссии сотрудничество с бюрократией не всегда было оптимальным, и бизнес искал также и иные возможности для реализации идеологии индивидуализма⁶⁰. В России это было неприемлемо. Вебер писал: «В настоящем же случае, даже самому умеренному конституционному земскому либерализму не представлялось вообще никакого случая и поэтому, очевидно, не в его силах было изменить судьбу. Точно также как это мало зависело от Беннигсена, который... отклонил вступление в министерство Бисмарка. Ибо как Людовик XVI не пожелал бы быть спасенным Лафайетом, точно также нет ничего более верного, что двор и его чиновничество скорее бы приняли покровительство черта, чем земского либерализма»⁶¹.

По мнению Вебера, свободе и России, и Германии мешал династический принцип. Он замечал, что «хотя положение России кричит о новом государственном муже, но династическое честолюбие при определенном составе правительства оставляет там так же мало места для великого реформатора, – а если бы он нашелся, как где бы то ни было, например у нас»⁶². В работе «Переход России к псевдоконституционализму» он добавлял, что чиновники не выдвигают из своей среды «государственных деятелей, способных осуществить большие реформы. «Этому мешают уже одни династические амбиции, точно так же, как и у нас в Германии»⁶³. На заре либеральной эры чиновники провели реформы в Пруссии. Но это были реформы бюрократического либерализма, защищавшие интересы нации, не подразумевавшая разрыва с традицией. Германские реформаторы 1848 года сумели только задекларировать свой план, но не реализовать его, опять таки в силу проснувшегося династического честолюбия Гогенцоллернов.

Вывод Вебера в целом довольно пессимистичен: «...без сомнения верно, что Россия “незрела” для истинно конституционной реформы, но причиной этого не являются либералы. Ибо при подобных отношениях придется все же сказать, что до тех пор, пока не будут даны совершенно другие “гарантии”, не имеет в действительности никакого политическо-

⁶⁰ Например, довольно интересно сохранял возможности для утверждения индивидуализма Д. Ганземан. Несмотря на то, что он был в составе двух министерств Пруссии и возглавлял до 1849 г. Прусский банк, в итоге он вынужден был для финансирования нараставших потребностей индустриализации создать независимую от прусской бюрократии структуру. См. об этом подробнее: *Ростиславлева*. 2010.

⁶¹ *Вебер*. К положению буржуазной демократии. С. 137.

⁶² Там же. С. 138–139.

⁶³ *Вебер*. Переход России к псевдоконституционализму. С. 102.

го смысла мысль о «соглашении» земского либерализма с правительством»⁶⁴. Представители российского либерализма не могли поступить бы иначе, как «хранить в чистоте свое знамя». Поэтому победа российских либералов и не была возможной, поскольку не пройдена так называемая «идеалистическая фаза» в истории русского освободительного движения. Возникает в этой связи вопрос, насколько можно считать раннелиберальную фазу развития, например на Юго-Западе, тупиком, как утверждал известный германский историк Л. Галл⁶⁵. В свете рассуждений Вебера о России следует признать, что раннелиберальная фаза была необходима и следовательно продуктивна для утверждения свободы.

В веберовской интерпретации свобода не могла найти воплощение в России, поскольку исходная точка его представлений о ней – протестантский дух. Усложняло бытие российской свободы и нараставшее развитие капитализма. Именно опора на ценности протестантизма позволяла в Германии сохранить значение свободы при капитализме как свободы выбора и самостоятельности действия, что в силу имеющейся традиции было невозможно в России⁶⁶. Отсутствие в России раннелиберальной фазы также делает невозможным утверждение свободы без разрыва с традицией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1906. 149 с.
- Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 56–104.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Электронный ресурс. URL: sbiblio.com/biblio/download.aspx?id=2427.
- Вебер, Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007. 653 с.

⁶⁴ Вебер. К положению буржуазной демократии. С. 140.

⁶⁵ Gall. 1968. S. 46.

⁶⁶ В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер писал: «...я придаю большое значение влиянию хозяйственного развития на судьбы религиозных идей и в дальнейшем попытаюсь показать, как в рамках нашей темы складывается процесс взаимного приспособления этих двух факторов и их взаимоотношения. Дело, однако, заключается в том, что религиозные идеи не могут быть просто *дедуцированы* из экономики. Они в свою очередь, и это совершенно бесспорно, являются важными пластическими элементами «национального характера», полностью сохраняющими автономность своей внутренней закономерности и свою значимость в качестве движущей силы. Что же касается *важнейших* различий – различий между лютеранством и кальвинизмом, то они сверх того обусловлены преимущественно *политическими* причинами, поскольку, вообще здесь играют роль не религиозные моменты». См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Электронный ресурс. URL: sbiblio.com/biblio/download.aspx?id=2427.

- Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 253 с.
- Козер Л.А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006. 513 с.
- Кравченко Е.* Макс Вебер. М.: Изд-во «Весь мир», 2002. 221 с.
- Кустарев А.С.* Макс Вебер о модернизации русского самодержавия // Полис. 2006. № 2. С. 66–76.
- Кустарев А. С.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии 1990. № 8. С. 119–130.
- Кустарев А.С.* Предисловие// О России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–13.
- Либерализм Запада. XVII – XX века /* Под ред. В.В. Согрина, А.И. Патрушева и др. М.: Институт всеобщей истории, 1995. 227 с.
- Патрушев А.И.* Пути и драмы немецкого либерализма // Либерализм Запада. XVII–XX века... С. 74–90.
- Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во МГУ, 1992. 208 с.
- Рахманов А.Б.* Социальная философия Макса Вебера. Метаморфозы и кризисы. М.: УРСС, 2011. 559 с.
- Ростиславлева Н.В.* Либерал Давид Ганзман – поборник единства Германии и свободного предпринимательства (середина XIX века) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 192–206.
- Ростиславлева Н.В.* Либерализм и формирование гражданского общества в Германии в первой половине XIX в. // Право на свободу: материалы междунар. конф. М.: РГГУ, 2000. С. 178–184.
- Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX в. М.: РГГУ, 2010. 424 с.
- Davydov Jurij, Gaidenko Piama P.* Russland und der Westen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 244 S.
- Gall L.* Der Liberalismus als regierende Partei. Wiesbaden, 1968. 524 S. (Veröffentlichung des Institut für europäische Geschichte Mainz).
- Kaesler D.* Max Weber. München: Verlag C. H. Beck, 2011. 128 S.
- Langewische D.* Liberalismus Deutschland. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1988. 381 S.
- Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1820 . Tübingen: JCB MORA, 1974. 442 S.
- Mommsen W.* Vorwort // Max Weber. Gesamtausgabe. Bd. Abteilung I. Tübingen, 1989. S. VII–X.
- Sell F.* Die Tragödie des deutschen Liberalismus. Stuttgart: Deutscher Verl. – Anst., 1953. 478 S.
- Weber M.* Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus// Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) 1989. 855 S.
- Weber M.* Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. 855 S.
- Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 1700–1815. München; Beck, 1996. Bd. 1. 676 S.
- Ростиславлева Наталья Васильевна*** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, со-директор Российско-германского учебно-научного центра РГГУ; *ranw@mail.ru*